

Т. Г. Скребцова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-7825-1120 E-mail: t.skrebtsova@yandex.ru.

Новые реалии общественно-политической жизни 1920-х гг. и их отражение в русской литературе и лексикографии (на примере сложносокращенных слов)

АННОТАЦИЯ. Настоящее исследование является частью масштабного проекта, который направлен на всестороннее изучение русской малой художественной прозы начала XX века и базируется на электронном Корпусе русских рассказов (1900—1930), насчитывающем несколько тысяч произведений. Выборка из Корпуса объемом в 310 рассказов служит своеобразным полигоном для изучения языка и стиля соответствующей эпохи. Данная статья посвящена сложносокращенным словам, которые в изобилии возникли в русском языке после Октябрьской революции и, соответственно, получили отражение в художественной литературе 1920-х гг. В рамках статьи рассматриваются сложносокращенные слова, которые встретились в указанной выборке из Корпуса. Предметом анализа является их лексикографическая судьба: в каких словарях русского языка они зафиксированы (если зафиксированы вообще) и в каком виде (целиком или по формантам). Выяснилось, что далеко не все слова, активно употреблявшиеся в 1920-е гг., вошли в толковые словари русского языка в полном виде. Что касается фиксации по формантам, она имеет ряд недостатков, связанных с полисемией формантов, их вариативным написанием, альтернативным членением соответствующих слов. Помимо этого, как показано в исследовании, она не является исчерпывающей. Таким образом, полученные результаты позволяют выявить общие проблемы, связанные с описанием целого пласта слов, в настоящее время практически вышедших из употребления. Однако сведения о них необходимы ученым, изучающим советскую действительность 1920-х гг., студентам-русистам (в том числе иностранцам), а также всем тем, кто читает художественные произведения о той эпохе. Вопрос об их словарной фиксации остается открытым.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аббревиатура; сложносокращенные слова; русский язык; толковые словари; лексикография; лексикология русского языка; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; рассказы; малая проза.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Скребцова Татьяна Георгиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9; e-mail: t.skrebtsova@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Скребцова, Т. Г. Новые реалии общественно-политической жизни 1920-х гг. и их отражение в русской литературе и лексикографии (на примере сложносокращенных слов) / Т. Г. Скребцова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 146-154. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_14.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 17-29-09173 офи_м «Русский язык на рубеже радикальных исторических перемен: исследование языка и стиля предреволюционной, революционной и постреволюционной художественной прозы методами математической и компьютерной лингвистики (на материале русского рассказа)».

1. НОВЫЙ МИР СКВОЗЬ ПРИЗМУ АББРЕВИАТУР

Любая переломная эпоха меняет не только политическое устройство государства, но и сложившиеся социальные отношения, привычный жизненный уклад, приводит к трансформации стереотипов поведения и общей системы ценностей, что не может не влиять на язык. Как отмечал С. И. Ожегов [Ожегов 1974: 20], «общественная жизнь в революционные времена, в эпохи общественных переломов и социальных сдвигов всегда характеризуется напряженным и ускоренным развитием. Эти эпохи, являясь вехами в истории народа, образуют и своеобразные вехи в истории языка».

Цепь исторических событий, охватывающих Первую мировую войну, Февральскую и Октябрьскую революции и Гражданскую войну, обусловила масштабные изменения в русском языке. Огромный пласт «отжившей» лексики сменился новыми словами, отражающими новые понятия и идеи, многие слова «из прошлой эпохи» приобрели новые значения или коннотации, поменялись функциональные частоты многих лексических единиц, сменился набор привычных сочетаний, появились новые синтаксические обороты и т. д. Помимо «естественного» процесса резких языковых сдвигов, неизбежно сопровождающих любой переломный период, следует отметить и сознательные действия новой

власти, направленные на изменение языковых норм, с тем чтобы еще более размежеваться с уходящей эпохой и подчинить языковую политику государства решению новых актуальных задач.

Среди наиболее ярких, заметных невооруженным глазом черт русского языка послереволюционного периода особо выделяются аббревиатуры (инициальные и слоговые). В русском языке аббревиация существовала и ранее, но после Октябрьской революции она «из технического приема, скромно и безвестно существовавшего на окраинах разговорной речи, превратилась в активнейший словообразовательный способ» [Русский язык... 1968: 66]. Массовое и поначалу стихийное распространение аббревиатур было обусловлено теми переменами в жизни общества, которые произошли в результате революции.

Свержение прежнего государственного строя исключало преемственность в названиях органов нового правительственного аппарата. Однословные наименования учреждений и должностей (*министерство, сенат, дума, управа, офицер, жандарм, городской*) были заменены описательными многословными названиями, в которых нейтральное существительное (*комитет, армия, академия, командир, служащий*) непременно снабжалось эпитетом (соответственно *революционный, рабоче-крестьянская, государственная, красный, советский*), призванным отразить новую общественно-политическую реальность [Там же: 71]. Далее, в соответствии с принципом экономии, подобные описательные наименования неизбежно подвергались аббревиации (инициальной или слоговой). «Область этого словообразования — главным образом названия учреждений, должностей, административных понятий» [Булаховский 1952: 195].

Аббревиация стала мощным способом образовывать слова нового мира и сама воспринималась как подлинно революционный, народный способ словотворчества, символ революционного языка. Предпочтение, оказанное аббревиации, связано и с новизной, и с относительной простотой, общедоступностью этого нетрадиционного способа словообразования. Его широкое распространение было обусловлено массовым обновлением состава носителей литературного языка, а также поддержкой на государственном уровне: сокращенные названия стали повсеместно употребляться в официальных документах новой власти [Русский язык... 1968: 73].

На начальном этапе, в 1920-е гг., возникли преимущественно слоговые, а не инициальные аббревиатуры (*ревком, нарсуд, ликбез, комдив, селькор*), также происходило сращение одного или нескольких слогов с целым словом (*детдом, женотдел, культ-работа, губпартшкола*). Подобные сложносокращенные образования со структурной точки зрения были ближе для русского языка (ср. *Святополк, Новгород*), чем инициальные аббревиатуры.

Не все сложносокращенные слова¹ надолго остались в русском языке, как, скажем, *комсомол, колхоз, сельсовет*. После неограниченного применения слоговой аббревиации к любым составным наименованиям (порождавшего порой малопонятные и неудобочитаемые неологизмы) начался стихийный процесс регламентации сокращений, а затем (начиная с 1923—1925 гг.) разгорелась горячая полемика о нормах употребления аббревиатур в речи, способствовавшая упорядочению соответствующей практики.

В целом период 1920-х гг. исследователи характеризуют как время господства слоговой аббревиации. В 1930-е гг. активное производство слоговых сокращений прекратилось, а инициальное образование, напротив, усилилось. Часть сложносокращенных слов постепенно вышла из употребления из-за закрытия, реорганизации или переименования учреждений. Другие были упразднены вследствие перехода от старой административно-территориальной системы (губерния — уезд — волость) к новой (область — район): соответственно, эта участь постигла аббревиатуры с первым слогом *губ-, у-, вол-*. В языке удержались «негромоздкие слоговые сокращения нечленимой структуры, которые отличались большой частотностью по причине их общественной значимости (и эстетической приемлемостью)» [Русский язык... 1968: 79; 99].

2. СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА В РУССКИХ РАССКАЗАХ 1920-Х ГГ.

Неологизмы послереволюционной эпохи нашли свое отражение не только в официальных документах и публицистике тех лет, но и в художественной литературе. Писатели, изображавшие жизнь той эпохи, едва ли могли избежать упоминания

—¹ Здесь и далее под сложносокращенными словами понимаются слова, образованные путем соединения: 1) начальных частей слов исходного словосочетания (*губисполком*), 2) начального слога одного слова и начальных звуков других слов исходного словосочетания (*губоно*) или 3) начального слога одного слова и целого другого слова (*семсуда*).

реалий, связанных с новым социальным порядком, а значит, и употребления соответствующих аббревиатур. В особенности это присуще рассказам как произведениям малой формы, которые нередко писались, что называется, «с натуры» и оперативно публиковались в периодических изданиях того времени.

Русские рассказы, опубликованные в период с 1922 по 1930 г., обладают характерными чертами, отличающими их от рассказов начала XX века (1900–1913) и военно-революционного периода (1914–1922). Такой вывод можно сделать, исследуя Корпус русских рассказов (1900–1930), насчитывающий несколько тысяч единиц и включающий тексты максимального числа авторов (не только ведущих, но и множества второстепенных), писавших в исследуемую эпоху. Корпус разбит на три временных среза (см. выше); в каждом из них тот или иной писатель может быть представлен одним рассказом. В Корпус не включены произведения, написанные в эмиграции: так, покинувший Россию в 1920 г. И. А. Бунин представлен одним рассказом за предреволюционный период и еще одним — за военно-революционный период (подробнее о принципах построения Корпуса см. [Мартыненко и др. 2018]).

На базе Корпуса сделана выборка в 310 рассказов (около 100 за каждый период), включающая произведения 300 разных писателей (разница между двумя цифрами обусловлена тем, что некоторые авторы представлены в двух, а не одном периоде). Эта выборка служит своеобразным полигоном для изучения тематических, композиционных и языковых особенностей русских рассказов первой трети XX века и выявления динамики соответствующих изменений, ср. [Martynenko, Sherstinova 2018; Гребенников, Ассель 2019; Гребенников, Скребцова 2019; Скребцова 2019; 2020; Sherstinova, Skrebtsova 2021; Skrebtsova 2021].

Послереволюционная часть выборки из Корпуса (1922–1930) представлена такими именами, как И. Бабель, М. Булгаков, А. Веселый, А. Гайдар, Л. Добычин, В. Иванов, В. Инбер, С. Колбасев, А. Коллонтай, Б. Лавренев, Л. Леонов, Ю. Олеся, К. Паустовский, Е. Петров, А. Платонов, М. Пришвин, А. Серафимович, С. Сергеев-Ценский, И. Соколов-Микитов, А. Толстой, А. Фадеев, О. Форш, А. Чапыгин, М. Шагинян, М. Шолохов и др. Произведения этой эпохи отличаются выраженные тематические предпочтения, некоторые особенности композиционного строения, а также новации в области языка и стиля. К последним, в частности, относится употребление сложносокращенных слов-

неологизмов.

В рассказах послереволюционного периода были обнаружены следующие сложносокращенные слова:

волисполком — А. Беляев, «Три портрета» (1925);

волячейка — А. Беляев, «Три портрета» (1925); Д. Крептюков, «Мишиша» (1925);

губвоенком — А. Караваева, «Флигель» (1923);

губисполком — В. Зазубрин, «Общежитие» (1933), А. Платонов, «Родина электричества» (1926);

губком — В. Зазубрин, «Общежитие» (1933);

губоно — П. Семенин, «Бунтовщики» (1928);

губпартшкола — В. Зазубрин, «Общежитие» (1933);

комбед — К. Коничев, «Комбед Турка» (1929);

комхоз — М. Никитин, «Золотой челнок» (1925);

культработа — С. Беляев, «Пожар» (1926); Шишков, «Спектакль» (1923);

нэпман — В. Гравишкис, «Экзамен» (1930);

политпросвет — В. Гравишкис, «Экзамен» (1930);

помзав — А. Толстой, «Гадюка» (1928);

семсуда — Панферов, «Козловская республика» (1927);

уком — А. Зорич, «Болото» (1926);

фабком — С. Беляев, «Пожар» (1926);

церабкооп — В. Гравишкис, «Экзамен» (1930).

Некоторые из этих слов читателю хорошо известны (ср. *нэпман*) или могут быть без труда «расшифрованы», т. е. преобразованы в исходное словосочетание, другие (*волячейка*, *комхоз*, *уком*, *церабкооп*) для своего понимания требуют обращения к справочным материалам. Мы задались вопросом, как вышеперечисленные слова отражены в лексикографических источниках.

3. СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА 1920-Х ГГ. В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

3.1. Словарь русского языка под редакцией академика Н. С. Державина

Можно было ожидать, что хотя бы часть слов удастся обнаружить в материалах академического «Словаря русского языка» (так называемом 7-м издании), работа над которым велась под руководством академика Н. С. Державина с 1929 по 1937 г. (подробнее об этом словаре см. [Круглов 2015; Приемышева, Стукова 2020]). По своему замыслу он должен был стать настоящим слова-

рем советской эпохи, в котором найдет отражение огромный пласт новой лексики, «масса слов с непредсказуемым будущим и с трудно описываемым настоящим» [Маркасова 2011: 95].

Поскольку «Словарь русского языка» (далее — СРЯ) продолжал шахматовскую традицию тезаурусного подбора лексики, в него охотно включали слова, возникшие в 1920-е гг. и отражающие политические и ценностные ориентиры эпохи, в том числе многочисленные аббревиатуры. Они извлекались преимущественно из публицистики. Впервые в отечественной толковой лексикографии акцент был сделан на газетные материалы, а не на художественную литературу, ср.: «...публицистика становится одним из важнейших источников, который позволил существенно актуализировать и осовременить словник и иллюстративный материал словаря. И можно утверждать, что ни до, ни после ни в одном толковом словаре русского языка — тем более в академическом много-томном словаре, газетные источники в таком объеме и с такими задачами не использовались» [Стукова 2019: 253–254].

В силу тезаурусного принципа каждое слово в СРЯ сопровождалось дефиницией и иллюстративным материалом; словарных статей на форманты в нем нет. Все слова с тем или иным формантом представлены отдельно: к примеру, в СРЯ около 90 словарных статей на слова, начинающиеся на *агит*-. Следует также отметить, что степень узуальности лексемы не учитывалась при включении в словник, и в СРЯ попадали редкие даже для современников слова.

Все перечисленные факторы — тезаурусный подбор лексики, опора на публицистику, отдельное описание каждого слова, включение в словник даже неузуальных слов — создавали благоприятные условия для фиксации и развернутого представления многочисленных сложносокращенных слов рассматриваемой эпохи. Но, к сожалению, составленные отрезки «Словаря русского языка» (как опубликованные, так и неопубликованные) не пересекаются с нашим списком.

Как известно, словарь печатался отдельными выпусками разных томов в произвольном порядке, так что в словнике оставались обширные лакуны. Из алфавитного перечня изданных выпусков [Круглов 2015: 230] видно, что в той или иной степени затронутыми оказались буквы А, Д, И, Л, М, Н, О. Единственное слово из нашего списка, которое начинается на одну из этих букв, — это слово *нэпман*, однако оно не попадает в опубликованный отрезок НЕ — НЕКРЫТЫЙ.

В архиве Большой словарной картотеки

ИЛИ РАН дополнительно находятся корректурные экземпляры, которые были отредактированы и подготовлены к печати, но остались неизданными. Они содержат отрезки на буквы Г, Е, И, Л, М (описание архивных материалов см. [Там же: 231–235]) и также не включают ни одно из рассматриваемых слов.

3.2. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и более поздние лексикографические источники

Новые слова послереволюционного периода впервые получили системное лексикографическое описание в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940; далее — ТСРЯ). Его составители, наряду с классическим периодом русского литературного языка, стремились отразить «перемены в общерусской лексике, которые произошли на глазах современников, — то, что вошло в общий язык с 1914 г., начавшего переломную эпоху в России и в мире» [История русской лексикографии: 354].

Все слова, значения, устойчивые словосочетания, обозначающие явления советской действительности, в ТСРЯ снабжены характерной стилистической пометой «нов.». По подсчетам, помета «нов.» встречается в 1800 словарных статьях, что составляет около 2 % их общего количества [Там же]. Помета «нов.» нередко выступает в сочетании с прочими пометами: например, *семсуда* — «нов. офиц.», *комбед* — «нов. истор.», *нэпман* — «нов. истор. пренебр.», *помзав* — «нов. канц. арг.».

Заметное место среди новых слов занимают сложносокращенные. Ввиду того что процесс их образования в послереволюционные годы шел бурно и стихийно, объем употреблявшихся аббревиатур был чрезвычайно велик, причем некоторые из них носили окказиональный и вариативный характер. Далеко не все сложносокращенные слова получили фиксацию в ТСРЯ — ведь в его основе лежал нормализаторский принцип, в отличие от СРЯ, отмеченного исследовательским подходом к языковым инновациям [Маркасова 2011: 97]. Временной интервал в 10–15 лет, отделявший создание ТСРЯ от периода наиболее активного образования сложносокращенных слов, позволил его авторам критически оценить материал, выделить актуальное от случайного и устаревшего, а также выбрать оптимальный способ подачи, представляя либо слово целиком, либо отдельно его составные части.

Отличительной особенностью ТСРЯ при описании сложносокращенных слов является последовательное указание на способ их образования: в последующих словарях дан-

ная информация стала необязательной, а если и давалась, то включалась в разные зоны словарной статьи [Бобунова 2018: 210].

Применительно к словам из нашего списка, в ТСРЯ можно наблюдать следующие три решения: 1) слово целиком получило описание в отдельной словарной статье; 2) слово не вошло в словник, но все его составные части получили описание, и по ним можно восстановить словосочетание, стоящее за сокращением; 3) слово целиком не имеет описания, первая часть слова не имеет описания, прочие части имеют описание. Обратимся к рассмотрению нашего материала.

К случаям первого типа относятся включенные в словник лексические единицы *комбед*, *нэпман*, *политпросвет*, *помзав*, *семссуда*, *фабком*. Отметим, что зона толкования либо ограничивается «расшифровкой» сокращения (восстановлением соответствующего словосочетания), либо содержит полноценную дефиницию плюс «расшифровку». Встречаются также отсылки к словарным статьям на форманты, ср.:

комбед «Сокращение слов: комитет бедноты (деревенской)»;

нэпман «Торговец, спекулянт, частный предприниматель в первоначальный период нэпа». [Составлено из нэп и нем. слова Mann — человек.];

политпросвет «1. Политическое просвещение. 2. Орган, руководящий политически-просветительной работой. [Составлено из сокращения слов: политический и просветительный.]»;

помзав «Сокращение слов: помощник заведующего; см. [пом] и [зав]»;

семссуда «Семенная ссуда, ссуда зерна для посева. См. [сем]»;

фабком «Местный профсоюзный орган на фабрике. [Сокращение слов: фабричный комитет.]».

При составлении следующего по времени крупного толкового словаря, «Словаря современного русского литературного языка» (далее — БАС), слово *помзав* исключено из словника (остальные остались). Интересно, что со словом *уком* наблюдается обратная ситуация: в ТСРЯ оно представлено «по формантам», а в БАС приводится целиком, с дефиницией «Уездный комитет» (хотя ко времени издания 16 тома (1964 г.) уезды, а следовательно, и уездные комитеты остались далеко в прошлом). По-видимому, составители БАС стремились восполнить имеющуюся лауну.

Рассмотрим теперь случаи второго типа. Сложносокращенные слова с формантом *губ-* не описываются в ТСРЯ индивидуально:

вместо этого толкование получает формант, а некоторые слова (в том числе *губисполком*) приводятся в качестве примеров. Словарная статья на *губ-* снабжена пометой «нов. истор.», а дефиниция гласит, что это «сокращение, употреблявшееся в новых сложных словах в знач. губернский до районирования и образования вм. губерний новых территориально-административных единиц».

Отдельными статьями в ТСРЯ представлены «остатки» слов за вычетом форманта *губ-*: *военком*, *исполком*, *ком*, *партишкола*. Отсутствует только финальная часть *-оно*, представляющая собой инициальную аббревиатуру. Вплоть до конца XX столетия такие лексические единицы практически никогда не включались в толковые словари. Аббревиатура ОНО (Отдел народного образования) зафиксирована в «Толковом словаре языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1998]. Этот словарь включает также словарные статьи на *губоно*, *губком* и *губисполком*. Вместо *губвоенком* в словнике присутствует *губвоенкомат*, а *губпартишкола* отсутствует.

Словарной статьи на слово *культработа* в ТСРЯ нет (парадоксальным образом, имеются статьи на слова *культработник* и *культработница*). Впрочем, есть статья на формант *культ-*: «Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач.: 1) культурно-просветительный, напр. культобслуживание, культработа, культпросвет; 2) имеющий отношение к культурно-просветительной работе, напр. культкомиссия, культсовещание, культуполномоченный, культшефство, культячейка, культактив, культотдел; обслуживающий культурные потребности, напр. культтовары, культпромышленность». Таким образом, в ТСРЯ слово *культработа* фигурирует в примерах словарной статьи на формант *культ-*. В БАС оно получает самостоятельную разработку.

Слово *комхоз* «в собранном виде» зафиксировано, похоже, лишь в словаре В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. В ТСРЯ описываются только его части, причем форманту *ком-* соответствуют пять омонимичных словарных статей, так что его понимание затруднено (коммунистическое хозяйство? коммунальное хозяйство? комитет по хозяйству?). Единственный имеющийся контекст значения не проясняет, ср.:

На площади, размеренной агентами Комхоза, совершаются не менее противоречивые события, чем на площади, размеренной дипломатами государств (М. Никитин, «Золотой челнок»).

Слово *волисполком* представлено в ТСРЯ «по частям», а также примером в словарной статье на начальный формант *вол-*,

ср.: «Сокращение, употреблявшееся в новых сложных словах в знач. волостной, напр. волисполком». В полном виде данное слово представлено в словаре Мокиенко и Никитиной, где, помимо *волисполкома*, есть статьи на сложносокращенные слова *волком*, *волоно*, *волпредисполком*, *волсекретариат*.

Слова *волячейка* не удалось обнаружить ни в одном словаре. Лексема *ячейка*, разумеется, содержится и в ТСРЯ, и в БАС¹, и в прочих толковых словарях русского языка. В принципе это позволяет возвести рассматриваемые слова к соответствующему словосочетанию: «волостная ячейка». Однако значения это не проясняет: ячейка — чего? Контексты, в которых встречаются эти слова, также неинформативны, ср.:

— *Веришь ли, с ног сбился!* — говорил он товарищу, возвращаясь в двенадцатом часу ночи с заседания *волячейки* (А. Беляев, «Три портрета»);

Только сравнялись с волячейкой — как на грех супонь напололам... (Д. Крептюков, «Микиша»);

А из окон Волячейки любопытные глаза наблюдали и Микишу, и попа, и лошаденку злополучную, и болтавшиеся, вылезшие из матицы, ключья пакли у хомута (Д. Крептюков, «Микиша»).

Наконец, случай третьего типа — слово *церабкооп*. В ТСРЯ есть статья на *рабкооп* (а также на форманты *раб-* и *кооп-*), но нет статьи на начальное *це-*. В БАС слова *рабкооп* уже нет, есть только словарные статьи на его составные части (форманта *це-* нет и там). Таким образом, собрать рассматриваемую единицу по частям, опираясь на данные обоих словарей, не удастся. Слово *церабкооп* в значении «Центральный рабочий кооператив» зафиксировано значительно позднее, в словаре Мокиенко и Никитиной.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование, по существу, носит характер того, что в английском языке принято называть *case study* (исследование отдельного случая). Оно направлено на изучение того, как сложносокращенные слова, обнаруженные нами в 103 рассказах 1920-х гг., представлены в толковых словарях русского языка. Если бы мы взяли другую сотню рассказов данного периода, вполне вероятно, что набор слов был бы иным. Но это не столь важно. Методология исследований в жанре *case study* предполагает, что внимательное рассмотрение отдельного показа-

тельного примера позволяет выявить его интересные, порой неожиданные и противоречивые аспекты, что дает возможность мысленно подняться над конкретным случаем и перейти к формулировке более общих проблем, выдвижению новых гипотез или пересмотру старых.

Анализ нашего материала в целом подтверждает высказывание Е. Маркасовой о том, что далеко не все слова, активно употреблявшиеся в 1920-е гг., попали в толковые словари, изданные при советской власти и даже позднее [Маркасова 2011: 94—95]. Проверка показала, что слова *волячейка*, *комхоз*, а также все слова с формантом *губ-* отсутствуют не только в толковых, но и в орфографических словарях. Составленный в самом конце XX века словарь Мокиенко и Никитиной лишь частично восполнил имеющиеся пробелы. Можно предположить, что если бы СРЯ был полностью осуществлен в соответствии с исходным замыслом, такие лакуны были бы практически сведены к нулю.

В ТСРЯ за основу были взяты иные принципы формирования словника, требовавшие ограничить число самостоятельно описываемых сложносокращенных слов. Однако эта стандартная практика академических толковых словарей, предполагающая введение словарных статей на форманты, может оборачиваться трудностями с пониманием. Современному читателю (тем более, если для него русский язык не родной) реалии довоенного советского времени обычно малоизвестны и непонятны, так что формальная процедура восстановления исходного словосочетания по частям не всегда помогает понять смысл.

Включение в словник формантов чревато и другой проблемой. До сих пор мы мысленно шли от найденного в тексте сложносокращенного слова к делению его на форманты и далее к восстановлению исходного словосочетания. Но в принципе можно пойти и в обратном направлении: от заданных в словаре формантов к построению сложносокращенных слов. И тогда встает вопрос: а какие комбинации формантов существуют (или существовали) в действительности и могут быть обнаружены в текстах эпохи? Заметим, что когда словарь строится по тезаурусному принципу (как и задумывался СРЯ), эта проблема просто не возникает.

Оценить количество неучтенных в толковых словарях так называемых «советизмов» очень трудно. Как предполагает Е. Маркасова [Там же: 107—109], обнаружению некоторых из них может помочь компьютерная обработка Сводного словаря современной русской лексики [Сводный сло-

¹ Из слов с финальной частью *-ячейка* и ТСРЯ, и БАС фиксируют слово *комячейка*; примечательно, что оно пишется в обоих источниках без твердого знака.

варь... 1991], которая позволит выделить единицы, зафиксированные исключительно в Орфографическом словаре русского языка. Однако едва ли это даст заметный результат: из 18 слов, составивших материал нашего исследования, не зафиксированными нигде (в том числе в Орфографическом словаре и в словаре [Мокиенко, Никитина 1998]) оказались 2 слова (*вольячейка*, *губпартшкола*), т. е. около 10 %.

Сведения о подобных словах нужны историкам, работающим с документами советской эпохи, антропологам и социологам, изучающим советскую действительность 1920-х гг., литературоведам и просто всем тем, кто читает художественные произведения о той эпохе. Вопрос об их поиске и фиксации остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобунова, М. А. Сложносокращенные слова в толковых словарях русского языка XX века / М. А. Бобунова. — Текст : непосредственный // Эпоха «великих потрясений» в литературе, языке и культуре : материалы Междунар. науч. конф. — Курск : Курский государственный университет, 2018. — С. 208—214.
2. Булаховский, Л. А. Курс русского литературного языка / Л. А. Булаховский. — Киев : Радянська школа, 1952. — Т. 1. — 445 с. — Текст : непосредственный.
3. Гребенников, А. О. База русского рассказа XIX–XX веков. Модели аппроксимации / А. О. Гребенников, А. Н. Асель. — Текст : непосредственный // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика — 2019». — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2019. — С. 379—386.
4. Гребенников, А. О. Языковая картина мира в русском рассказе начала XX века / А. О. Гребенников, Т. Г. Скребцова. — Текст : непосредственный // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. — 2019. — № 3. — С. 82—92.
5. История русской лексикографии / отв. ред. Ф. П. Сороколетов. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — 610 с. — Текст : непосредственный.
6. Круглов, В. М. Неизвестные страницы толкового академического «Словаря русского языка» 1930-х гг.: описание архивных материалов Большой словарной картотеки ИЛИ РАН / В. М. Круглов. — Текст : непосредственный // Русский язык в научном освещении. — 2015. — № 1. — С. 228—241.
7. Маркасова, Е. Проблемы поиска и лексикографического описания советизмов 1920–30 гг. / Е. Маркасова. — Текст : непосредственный // Russian Language Journal. — 2011. — Vol. 61. — С. 94—118.
8. Мартыненко, Г. Я. О принципах создания корпуса русского рассказа первой трети XX века / Г. Я. Мартыненко, Т. Ю. Шерстинова, А. Г. Мельник, Т. И. Попова, Е. В. Замирайлова. — Текст : непосредственный // XV Международная конференция по компьютерной и когнитивной лингвистике «TEL 2018»: сб. статей. — Казань : Изд-во АН РТ, 2018. — С. 180—197.
9. Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Фолио-пресс, 1998. — 704 с. — Текст : непосредственный. — Текст : непосредственный.
10. Ожегов, С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи / С. И. Ожегов. — Москва : Высшая школа, 1974. — 352 с. — Текст : непосредственный.
11. Орфографический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцовой. — 13-е изд. — Москва : Русский язык, 1974. — 400 с. — Текст : непосредственный.
12. Приемышева, М. Н. Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н. С. Державина (1929—1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии / М. Н. Приемышева, Е. Г. Стукова. — Текст : непосредственный // Вопросы лексикографии. — 2020. — № 17. — С. 195—212.
13. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского языка / под ред. М. В. Панова. — Москва : Наука, 1968. — 300 с. — Текст : непосредственный.
14. Сводный словарь современной русской лексики : в 2 т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. — Москва : Русский язык, 1991. — Текст : непосредственный.
15. Скребцова, Т. Г. Структура нарратива в русском рассказе начала XX века / Т. Г. Скребцова. — Текст : непосредственный // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика — 2019». — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2019. — С. 426—431.
16. Скребцова, Т. Г. Динамика тем русских рассказов начала XX века / Т. Г. Скребцова. — Текст : непосредственный // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. — 2020. — № 3. — С. 45—60.
17. Стукова, Е. Г. Газетная и журнальная публицистика как один из источников академического «Словаря русского языка» 1929—1937 гг. / Е. Г. Стукова. — Текст : непосредственный // Современная русская лексикология, лексикография и лингвострановедение — 2019 : сб. статей. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — С. 253—263.
18. Martynenko, G. Emotional Waves of a Plot in Literary Texts: New Approaches for Investigation of the Dynamics in Digital Culture / G. Martynenko, T. Sherstinova. — Text : electronic // Proc. of the 3rd Intern. conf. “Digital Transformation and Global Society”. — 2018. — P. 299—309. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-02846-6_24.
19. Sherstinova, T. Russian literature around the October revolution: A quantitative exploratory study of literary themes and narrative structure in Russian short stories of 1900–1930 / T. Sherstinova, T. Skrebtsova. — Text : electronic // Proc. of Intern. conf. “Internet and Modern Society” (St. Petersburg, 17–20 June, 2020). — 2021. — URL: <http://eur-ws.org/Vol-2813/rpaper09.pdf> (date of access: 25.02.2021).
20. Skrebtsova, T. Thematic tagging of literary fiction: the case of early 20th century Russian short stories / T. Skrebtsova. — Text : electronic // Proc. of Intern. conf. “Internet and Modern Society” (St. Petersburg, 17–20 June, 2020). — 2021. — URL: <http://eur-ws.org/Vol-2813/rpaper20.pdf> (date of access: 25. 02. 2021).

T. G. Skrebtsova

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-7825-1120

 E-mail: t.skrebtsova@yandex.ru

New Sociopolitical Realities of the 1920s as Reflected in Russian Literature and Lexicography (on the Basis of Syllabic Acronyms)

ABSTRACT. *The present research is a part of a large-scale project aimed at a comprehensive study of early 20th century Russian short stories and based on the Russian Short Stories Corpus currently containing several thousand texts. A sample of 310 stories has been selected to serve as a testbed for the analysis of language and style of the epoch. The paper*

deals with syllable acronyms that became abundant after the October revolution of 1917 and were widely used in the Russian literature of the 1920s. In particular, its focus is on the acronyms that can be found in the above-mentioned sample of short stories. The paper aims to find out whether these particular acronyms have been captured by the major Russian dictionaries and, if so, in what form, i.e. as single units or via decomposition into constituents (derivative formants). The study has revealed that not all acronyms that were quite common in the 1920s have been included as single units in the comprehensive dictionaries of the Russian language. The dictionary policy to present the acronym constituents has its side effects or drawbacks associated with the polysemy of the formants, their variable spelling and alternative decomposition of the corresponding words. Besides, this policy is far from being comprehensively complete. Thus, the present case study highlights the general problems of the lexicographical description of a wide range of lexical units that are no longer in use and whose meaning has become unclear. Still their knowledge is needed by the scholars researching into the epoch, students of the Russian language (including foreign learners of Russian) and readers of the fiction of that period. The filling of this lexicographical gap should be on the agenda.

KEYWORDS: abbreviation; syllabic abbreviations; Russian language; explanatory dictionaries; lexicography; Russian lexicology; Russian writers; literary creative activity; literary genres; short stories; small prose.

AUTHOR'S INFORMATION: Skrebtsova Tat'yana Georgievna, Candidate of Philology, Senior Researcher at Department of Contemporary Russian Lexicography of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Skrebtsova, T. G. New Sociopolitical Realities of the 1920s as Reflected in Russian Literature and Lexicography (on the Basis of Syllabic Acronyms) / T. G. Skrebtsova // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 146–154. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_14.

ACKNOWLEDGMENTS. The research has been supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project #17-29-09173 “The Russian language on the edge of radical historical change: The study of language and style in prerevolutionary, revolutionary and post-revolutionary artistic prose by the methods of mathematical and computer linguistics (corpus-based research on Russian short stories)”.

REFERENCES

- Bobunova M. A. Acronyms in Russian language dictionaries of the 20th century / M. A. Bobunova. — Text : unmediated // The Epoch of “Great Upheavals” in Literature, Language and Culture: Proc. of Intern. conf. — Kursk : Kursk State University, 2018. — P. 208–214. [Slozhnosokraschennye slova v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka XX veka / M. A. Bobunova. — Tekst: neposredstvennyy // Epokha «velikikh potryaseniya» v literature, yazyke i kulture: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. — Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy universitet, 2018. — S. 208–214]. — (In Rus.)
- Bulakhovskiy L. A. A Course in the Literary Russian Language / L. A. Bulakhovskiy. — Kiev : Radyanska shkola, 1952. — Vol. 1. — 445 p. — Text: unmediated [Bulakhovskiy L. A. Kurs russkogo literaturnogo yazyka. — Kiev : Radyanska shkola, 1952. — T. 1. — 445 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Grebennikov A. O., Assel A. N. The base of Russian short stories of the 19th and 20th stories. Approximation models / A. O. Grebennikov, A. N. Assel. — Text: unmediated // Proc. of Intern. conf. “Corpus Linguistics-2019”. — St. Petersburg : St. Petersburg State University Publishers, 2019. — P. 379–386. [Baza russkogo rasskaza XIX-XX vekov. Modeli approksimatsii / A. O. Grebennikov, A. N. Assel. — Tekst : neposredstvennyy // Trudy Mezhdunar. konf. «Korpusnaya lingvistika-2019». — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2019. — S. 379–386.] — (In Rus.)
- Grebennikov A. O., Skrebtsova T. G. Russian worldview through the prism of early 20th century Russian short stories / A. O. Grebennikov, T. G. Skrebtsova. — Text : unmediated // Philosophy and Culture in Information Society. — 2019. — # 3. — P. 82–92. [Yazykovaya kartina mira v russkom rasskaze nachala XX veka / A. O. Grebennikov, T. G. Skrebtsova. — Tekst : neposredstvennyy // Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve. — 2019. — № 3. — S. 82–92]. — (In Rus.)
- The History of Russian Lexicography / Ed.-in-chief F. P. Sorokoletov. — St. Petersburg : Nauka Publishers, 2001. — 610 p. — Text : unmediated. [Istoriya russkoy leksikografii / otv. red. F. P. Sorokoletov. — SPb. : Nauka, 2001. — 610 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Kruglov V. M. Unknown history of the Academic “Dictionary of the Russian Language” of the 1930s: an account of the archive materials of the Great Lexicographical Catalogue of the Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / V. M. Kruglov. — Text : unmediated // Scholarly Journal of the Russian Language. — 2015. — # 1. — P. 228–241. [Neizvestnye stranitsy tolkovogo akademicheskogo «Slovary russkogo yazyka» 1930-kh gg.: opisanie arkhivnykh materialov Bolshoy slovarnoy kartoteki ILI RAN / V. M. Kruglov. — Tekst: neposredstvennyy // Russkiy yazyk v nauchnom osveschenii. — 2015. — № 1. — S. 228–241]. — (In Rus.)
- Markasova E. The problems of search and lexicographic description of the 1920-1930s sovietisms / E. Markasova. — Text : unmediated // Russian Language Journal. — 2011. — Vol. 61. — P. 94–118. [Problemy poiska i leksikograficheskogo opisanija sovetizmov 1920-30 gg. / E. Markasova. — Tekst: neposredstvennyy // Russian Language Journal. — 2011. — Vol. 61. — S. 94–118]. — (In Rus.)
- Martynenko G. Ya., Sherstinova T. Yu., Melnik A. G., Popova T. I., Zamiraylova E. V. On the principles underlying the Russian short stories corpus of the early 20th century / G. Ya. Martynenko, T. Yu. Sherstinova, A. G. Melnik, T. I. Popova, E. V. Zamiraylova. — Text : unmediated // Proc. of the XV Intern. conf. on computational and cognitive linguistics «TEL 2018». — Kazan, Academy of Sciences of Tatarstan Republic Publishers, 2018. — P. 180–197. [O printsipakh sozdaniya korpusa russkogo rasskaza pervoy trety XX veka / G. Ya. Martynenko, T. Yu. Sherstinova, A. G. Melnik, T. I. Popova, E. V. Zamiraylova. — Tekst: neposredstvennyy // XV Mezhdunar. konf. po kompyuternoy i kognitivnoy lingvistike «TEL 2018»: Sb. statey. — Kazan: Izd-vo AN RT, 2018. — S. 180–197]. — (In Rus.)
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. A Dictionary of the Soviet Language / Mokienko V. M., Nikitina T. G. — St. Petersburg: Folio-Press, 1998. — 704 p. — Text: unmediated. [Tolkovyy slovar yazyka Sovdepia / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. — SPb. : Folio-press, 1998. — 704 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Ozhegov S. I. Lexicology. Lexicography. Speech Culture / S. I. Ozhegov. — Moscow: Higher School Publishers, 1974. — 352 p. — Text: unmediated. [Leksikologiya. Leksikografiya. Kultura rechi / S. I. Ozhegov. — M. : Vysshaya shkola, 1974. — 352 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Spelling Dictionary of the Russian Language / S. G. Barkhudarov, I. F. Protchenko, L. I. Skvortsova (eds.). — 13th ed. — Moscow : Russian Language Publishers, 1974. — 400 p. — Text : unmediated. [Orfograficheskii slovar russkogo yazyka / pod red. S. G. Barkhudarova, I. F. Protchenko, L. I. Skvortsovoy. — 13 izd. — M. : Russkiy yazyk, 1974. — 400 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Priemysheva M. N., Stukova E. G. Academic “Dictionary of

the Russian Language” edited by academician N. S. Derzhavin (1929–1937) in the history of Russian lexicography / M. N. Priemysheva, E. G. Stukova. — Text : unmediated // Problems of Lexicography. — 2020. — № 17. — P. 195–212. [Akademicheskii «Slovar russkogo yazyka» pod redaktsiei akademika N. S. Derzhavina (1929—1937 gg.) v istorii russkoy tolkovoy leksikografii / M. N. Priemysheva, E. G. Stukova. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy leksikografii. — 2020. — № 17. — S. 195—212]. — (In Rus.)

13. Russian Language and Soviet Society: A sociolinguistic Study. Word-Formation in Contemporary Russian / M. V. Panov (ed.). — Moscow : Nauka Publishers, 1968. — 300 p. — Text : unmediated [Russkiy yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka / Pod red. M. V. Panova. — M.: Nauka, 1968. — 300 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. A Consolidated Dictionary of Modern Russian Lexis: in 2 vol. / R. P. Rogozhnikova (ed.). — Moscow: Russian Language Publishers, 1991. — Text : unmediated [Svodnyy slovar sovremennoy russkoy leksiki: v 2-kh t. / pod red. R. P. Rogozhnikovoy. — M. : Russkiy yazyk, 1991. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Skrebtsova T. G. Narrative structure in early 20th century Russian short stories / T. G. Skrebtsova. — Text : unmediated // Proc. of Intern. conf. “Corpus Linguistics-2019”. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishers, 2019. — P. 426—431. [Struktura narrativa v russkom rasskaze nachala XX veka / T. G. Skrebtsova. — Tekst : neposredstvennyy // Trudy Mezhdunar. konf. «Korpusnaya lingvistika-2019». — SPb. : Izd-vo SPbGU, 2019. — S. 426-431]. — (In Rus.)

16. Skrebtsova T. G. The dynamics of change in themes in early 20th century Russian short stories / T. G. Skrebtsova. — Text : unmediated // Philosophy and Culture in Information Society. —

2020. — № 3. — P. 45—60. [Dinamika tem russkikh rasskazov nachala XX veka / T. G. Skrebtsova. — Tekst : neposredstvennyy // Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve. — 2020. — № 3. — S. 45-60]. — (In Rus.)

17. Stukova E. G. Newspapers and magazines as a source for the Academic “Dictionary of the Russian Language” of 1929–1937 / E. G. Stukova. — Text : unmediated // Modern Russian Lexicology, Lexicography and Linguistic Geography 2019. — St. Petersburg : Nestor-History Publishers, 2019. — P. 253—263. [Gazetnaya i zhurnalnaya publitsistika kak odin iz istochnikov akademicheskogo «Slovara russkogo yazyka» 1929—1937 gg. / E. G. Stukova. — Tekst: neposredstvennyy // Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya 2019: Sb. statey. — SPb. : Nestor-Istoriya, 2019. — S. 253—263]. — (In Rus.)

18. Martynenko, G. Emotional Waves of a Plot in Literary Texts: New Approaches for Investigation of the Dynamics in Digital Culture / G. Martynenko, T. Sherstinova. — Text : electronic // Proc. of the 3rd Intern. conf. “Digital Transformation and Global Society”. — 2018. — P. 299—309. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-02846-6_24.

19. Sherstinova, T. Russian literature around the October revolution: A quantitative exploratory study of literary themes and narrative structure in Russian short stories of 1900–1930 / T. Sherstinova, T. Skrebtsova. — Text : electronic // Proc. of Intern. conf. “Internet and Modern Society” (St. Petersburg, 17–20 June, 2020). — 2021. — URL: http://ceur-ws.org/Vol-2813/rpa_per09.pdf (date of access: 25.02.2021).

20. Skrebtsova, T. Thematic tagging of literary fiction: the case of early 20th century Russian short stories / T. Skrebtsova. — Text : electronic // Proc. of Intern. conf. “Internet and Modern Society” (St. Petersburg, 17–20 June, 2020). — 2021. — URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2813/rpaper20.pdf> (date of access: 25. 02. 2021).